

О.В. Никитин

Московский государственный областной университет

«ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК»

(Заметки на полях памяти о языковой личности слависта
Николая Андреевича Кондрашова)

В очерке воссоздается портрет языковой личности легендарного слависта, доктора филологических наук, профессора Н.А. Кондрашова (1919–1995). На фоне документальных студенческих воспоминаний автора рассказывается о яркой фигуре «деда Кондраша», в жизни которого переплелись противоречивые факты советской эпохи. Приводятся малоизвестные эпизоды его скитальческой биографии. Рецензия книг Н.А. Кондрашова и событий 1930–1990-х гг. помогает читателю проникнуться уважением к образу слависта, услышать его спокойный голос, понять душевные переживания педагога. Повествование включает фрагменты писем, заметки на полях, мемуары студентов и аспирантов Н.А. Кондрашова. В деталях его лекций, бесед и встреч реконструируется духовная атмосфера второй половины XX века и историко-художественная картина научных поисков золотого поколения славистов 1940–1950-х гг. Рассказ об уцелевших книгах из домашней библиотеки Н.А. Кондрашова дополняет очерк интересными фактами и сопоставлениями, открывающими в личности филолога качества мыслителя – энциклопедиста, собирателя древностей, тонкого знатока и незаурядного пропагандиста лучших традиций «лингвистического отечествоведения».

Н.А. Кондрашов, история науки, славистика, языковая личность, речевая ситуация, психолингвистический портрет, филологические мемуары.

– А ты знаешь ли, любезный друг: ты никогда никем не пренебрегай, потому что никто не может знать, за что кто какой страстью мучим и страдает. Мы, одержимые, страждем, а другим зато легче. И сам ты если какую скорбь от какой-нибудь страсти имеешь, самовольно ее не бросай, чтобы другой человек не поднял ее и не мучился; а ищи такого человека, который бы добровольно с тебя эту слабость взял.

Н.С. Лесков

«Очарованный странник,

его жизнь, опыты, мнения и приключения»

Когда я задумал подготовить воспоминания об известном слависте Николае Андреевиче Кондрашове, то, пересмотрев с грустью ящики письменного стола, не нашел там тетради с его лекциями – бесценными свидетельствами колоритной личности последнего из могикан, который на занятиях как будто перемещался во времени: спорил с великими филологами, смеялся, вместе с ними шутил и по-дружески каждому... давал пинка за какую-нибудь провинность. Помню, что я записывал на полях, стараясь передать стиль и языковую игру мастера, словесные репризы Николая Андреевича. Так необычно они звучали для нас, студентов перестройки. Откровения, эмоциональные порывы и оценки в мире науки второй половины XX века, переданные с профессорской иронией и нарочито грубоватым подтекстом, являлись зеркалом непростой биографии Н.А. Кондрашова, в которой случалось много потрясений, истязаний духа, потом взлетов почти к самым маковкам златоглавого храма филологии, затем опять падений, и всю жизнь была непримиримая борьба с бесами внутри и окрест себя. Натура ученого мужа обладала богатыр-

ской силищей и таким непокорным характером, что сломить Николая Андреевича было почти невозможно, а говорить ему поперек не осмеливался никто: придиричиво-дерзкий взгляд, несносный нрав и простодушная русская прямолинейность обезоруживали любого противника. Николай Андреевич всегда плыл против течения. Он оставался верен своим принципам и поступкам, какими бы домыслами они потом ни обрастали. Даже мы, такие далекие тогда от «трагикомедий» жизни, чувствовали, что перед нами не просто седовласый старик-профессор, а большой авторитет, бывалый странник, прошедший огонь, воду и медные трубы. Он становился для нас недостижимой вершиной – почти как Гумбольдт, или Шахматов, или Виноградов. Мы, конечно же, этого до конца не понимали, но восхищение «дедом Кондрашом», как называли его поколения студентов, было безмерное.

Нам казалось, что на его лекциях звучал живой голос истории: как художник мелкими мазками пишет портрет или пейзаж, постепенно слагая сюжет из разных красок и смешивая тона, так и Кондрашов на своем мольберте создавал для несмышленных студентов фантастическую палитру цветов и контрастов науки – не той прилизанной и заштампованной, с привычными для СССР презрительными кивками в сторону «буржуазной» лингвистики, о которой написано в учебниках, а другой – оставшейся в переплетах памяти и уцелевшей в рукописях и автографах заброшенных биографий великих славистов (см. научный обзор жизни и деятельности: [23]). Скучная диктовка стандартных конспектов «по программе» на лекциях была не для него. Николай Андреевич медленно входил в аудиторию, садился за стол, и начиналась неторопли-

вая беседа. Иногда он привставал и записывал на доске причудливые фамилии иностранных ученых. Рядом лежала папка с какими-то заметками и листочками, оттисками статей (ср.: [27, с. 283]). Но главное – профессор рассказывал жизненные истории, приносил редкие книги... и будил еще не проснувшихся на первой паре студентов удивительными откровениями.

*Николай Андреевич Кондрашов.
Фото предположительно конца 1930-х гг.*

Ученица Н.А. Кондрашова Д.И. Архарова так описала любимого педагога, уловив в нем, как нам кажется, самое живое, человеческое: «Я рискнула бы даже назвать Николая Андреевича “барином” в самом корректном смысле этого слова. Все-то у него получалось как бы само собой: и в одной-двух фразах нечаянно ошеломить эрудицией, и галантность проявить, и пошутить смешно и колко, ничуть не сокращая дистанции между собой и собеседником. Он мне всегда напоминал главу семьи Ростовых. В его натуре сочеталась широта души и изящно-циничный “московский” тон в общении, беззаботность и прагматизм, академическая вышколенность и шутки “на грани фола”, приветливость и сарказм. В этом был его стиль: он был предсказуем как типичный профессор, но любил и умел быть неожиданным в повседневном общении, оставаясь на “профессорской” высоте. Я думаю, мир для него был театром – скорее грустным» (из воспоминаний, переданных автору этой статьи).

Его роман-эпопея о филологическом мире Славии начиналась...

Н.А. Кондрашов с юности был очарован красотой слова и видел в будущей профессии, возможно, высокий христианский смысл. Потому и решил поступать в Московский институт философии, литературы и истории имени Н.Г. Чернышевского (МИФЛИ) – этот островок филологического счастья в Сокольниках. Какие там работали удивительные люди! Р.И. Аванесов, Г.О. Винокур, Н.К. Гудзий, М.Н. Петерсон, М.М. Покровский, С.И. Радциг, А.М. Селищев, А.И. Смирницкий, С.И. Соболевский, Д.Н. Ушаков, Р.О. Шор... Историки – все живые классики: А.В. Арциховский, С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье, М.Н. Тихомиров... А еще вольнодумцы философы... И хотя студенты по-простому называли свой факультет «литературным», но звучал он показательно: «Фа-

культет литературы, искусства, языка». Сколько творчества, встреч с настоящими филологами дореволюционной школы! Казалось, что эти столпы должны быть где-то далеко... А они – здесь, рядом... И такие приветливые, обаятельные, невероятно умные и... строгие. Особенно Афанасий Матвеевич Селищев. Его занятия по старославянскому языку «Кондраш» помнил всю жизнь. Старик Селищев (таким он казался студентам в конце 1930-х, а ему было-то всего немногим больше пятидесяти), славист от Бога, историк языка, балканист, открыватель диалектологии Сибири и летописец «революционной эпохи»... Не сложенный в лагере, угнетаемый на воле, но как же он боготворил свои яти и юсы – не влюбиться в него было просто невозможно!

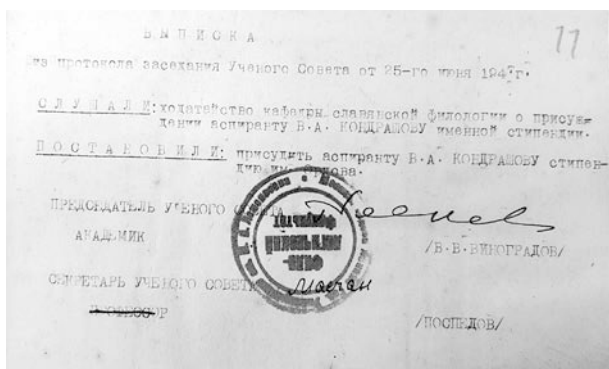
Затем Великая Отечественная... Николай Андреевич успел отучиться в МИФЛИ три курса. Вместе с однокашниками он строил оборонительные укрепления в Смоленской области, потом был контужен и эвакуирован на юг. В 1942-м получил диплом с отличием (!). Выпускник военных лет вновь воссозданного в Ашхабаде классического МГУ, он немало поскитался: работал учителем и директором средней школы в Новосибирской области в 1942–1943 гг., учился в 1943–1945 гг. в Ленинградском военно-медицинском училище, находившемся тогда в Омске, а с начала 1945 г. – служил в Главном военно-санитарном управлении Красной Армии (Архив МГУ. Личное дело аспиранта Н.А. Кондрашова). Будущий филолог воевал на землях западных славян. Молодым увидел жизнь простых, измученных бомбежками людей, впервые услышал их говорок и напевы, сам испытал лишения, едва уцелел в жестокой бойне и потом редко вспоминал об этом публично. А вернувшись с фронта домой, сразу же решил поступать в аспирантуру по специальности «славянские языки».

После войны Николай Андреевич попал совсем в другую атмосферу, напоминавшую ему родной МИФЛИ: многие преподаватели перешли на работу в МГУ имени М.В. Ломоносова, вернулись из эвакуации талантливые филологи, историки, математики, физики – весь цвет уцелевшей науки. Жизнь постепенно возвращалась в привычную колею.

Н.А. Кондрашов успел впитать дух старой школы: в 1945–1948 гг., как раз во время учебы Николая Андреевича в аспирантуре, деканствовал уже тогда классик В.В. Виноградов, читали лекции знаток античности С.И. Радциг, преданный фортуналовец М.Н. Петерсон, покалеченный в тяжбах с лженаукой, и старик академик Н.С. Державин, а рядом с ним молодой славист С.Б. Бернштейн, будущий руководитель кандидатской диссертации Н.А. Кондрашова. Работали на филфаке МГУ знаменитый историк языка академик С.П. Обнорский, пушкинист Д.Д. Благой, литературовед член-корреспондент АН СССР Н.К. Пиксанов, компаративист и германист Н.С. Чемоданов. Кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания заведовал академик И.И. Мещанинов, удостоенный в 1945 г. звания Героя Социалистического Труда. Тихой поступью по коридорам старого здания на Моховой ходил филолог-классик С.И. Соболевский. Кругом удивительные педагоги, мыслители, личности... В 1945-м всех облетела неожиданная весть: В.В. Виноградова наградили

премией имени М.В. Ломоносова I степени за труд «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (книга вышла в 1947 г.).

С одной стороны, разрушенная страна, тягостные мысли от потерь друзей и родных (один из братьев Николая Андреевича погиб на фронте), а с другой – счастье победы в самой жестокой войне и осознанный выбор будущего пути. Он мечтал заниматься наукой о духе языка. Но посвятить себя служению поправкам советской властью идеалам было по меньшей мере приключением или подвигом... Хождение в науку тогда, в 1940-х, в период публичной порки «космополитов», всеобщего почитания, а затем хуления академика Марра, бесконечных разоблачений и партсобраний с их громогласными призывами «отречься» – такие испытания выпали на долю мечтателя-ученого, жадно впитывавшего знания. Он потом, как и многие, каялся в близорукости, но большого греха не совершил и продолжал духовное восхождение.

Выписка из протокола заседания Ученого совета МГУ о присуждении аспиранту Н.А. Кондрашову именной стипендии (Москва, 25 июня 1947 г.)

Славяноведение в МГУ находилось на подъеме. Страна нуждалась в грамотных специалистах, знающих языки, историю, этнологию, культуру и политику Восточной Европы – стран «народной демократии». Впереди ожидание перемен и «холодная война». Первые выпускники аспирантуры университета были призваны стать учеными, переводчиками, дипломатами и, по сути, возрождали почти утраченную классическую традицию. С молодым задором Н.А. Кондрашов вникал в тонкости категории лица словацкого языка, изучал особенности польского, болгарского, сербо-хорватского, чешского... Все было ему любо. Торжествовала филология духа!

Николай Андреевич выстрадал свою историю славяноведения и знал ее изнутри: не только по книгам, но и по экспедициям, военным походам и общению с летописцами филологии XX века – П.Г. Богатыревым, Р.О. Якобсоном, В.В. Виноградовым, В.М. Жирмунским, П.С. Кузнецовым и многими другими отечественными и зарубежными лингвистами. Как и они, Н.А. Кондрашов стал подвижником и колумбом в науке – поднимал из руин репрессированную славистику, воскрешал в памяти забытые имена мастеров словесного искусства и языковедов прошлого.

Мы думали, что он знал и видел всех славистов XX века – А. Белича, Э. Бернекера, А. Брюкнера, 84

Й. Вахека, Б. Гавранека, А. Мейе, Ф. Травничека, С.О. Карцевского, А.М. Селищева, Н.С. Трубецкого, Д.Н. Ушакова... И даже не обращали внимания на даты жизни. Николай Андреевич настолько лихо, всем сердцем, по-родственному рассказывал о перипетиях их сложных судеб, научных скитаниях и порой непонятных нам открытиях в области фонем, редких грамматик индоевропейских языков, об этимологических словарях, традициях, дискуссиях и других высоких материях науки. Мы и не могли предположить другое: безусловно, «Кондраш» – свидетель века, архивариус, ведущий свой временник нескольких поколений исследователей древностей и неисправимых филологов-романтиков, трудившихся в век жестоких перемен и трагедий. Он впускал нас в свой живой журнал и, как мастер-хроникер, крутил ручку старенькой камеры с кинолентой то ли документального, то ли остросюжетного, с авантюрами, погонями и преступлениями, фильма. Иногда добавлял нотку лиризма и любовных коллизий и по-режиссерски был пунктуален в деталях и сценах, когда говорил о Галкиной-Федорук или Шведовой. И почти всегда с издевкой, подзадоривая самого себя, с хохмами и шутками. Так он отворял желторотым студентам врата учености в лингвистический рай или преисподнюю науки – сразу и не поймешь...

№ п.п.	Наименование дисциплины	Время сдачи	Оценка	Визированная комиссия
1	Диалектический и исторический материализм	25.6.1947	хорошо	проф. Л. Чулков
2	Исторический язык	23.2.1948	отлично	проф. В.В. Виноградов
3	Специальность	31.12.1947	хорошо	проф. В.В. Виноградов
	специальность по славянскому языку	15.11.1947	отлично	проф. Л. Чулков
	французский язык	13.9.1947	хорошо	проф. К. Галицкий
	английский язык	17.6.1947	отлично	проф. Е. Аткинс
4	Словацкий язык	25.4.1948	отлично	проф. С.И. Разумчик
	польский язык	20.2.1947	отлично	проф. А.С. Новиков
	болгарский язык	21.3.1947	хорошо	проф. В.В. Виноградов
	немецкий язык	28.12.1946	хорошо	проф. В.В. Виноградов
	чешский язык	1.9.1946	отлично	проф. В.В. Виноградов
	сербско-хорватский язык	8.5.1946	отлично	проф. В.В. Виноградов

Удостоверение о сдаче кандидатского минимума по кафедре славянской филологии МГУ (Москва, 1949)

Фамилии этих гениальных «чудаков» – от первых русских просветителей, «птенцов гнезда Петрова», и

составителя необычного «Сравнительного словаря всех языков и наречий» Петра Палласа до чешского лингвиста Владимира Скалички – нам упоминали лишь изредка, между прочим, если они входили в обязательную программу, но дальше списка трудов советских ученых, как правило, педагогическое вдохновение лекторов не шло. Для Н.А. Кондрашова все слависты были настоящими творцами – «делателями» науки, со своими сокровенными чертами, шумными достижениями и спорами. Одних он изучал по рукописям, перед другими сидел за партой в легендарном МИФЛИ, а потом и в МГУ, с «пражцами» повстречался в зарубежных поездках и командировках, многих знал по рассказам очевидцев, а с кем-то всю жизнь воевал не на шутку. Мы чувствовали, как вихрь науки захватывал нас, и каждое имя, произнесенное Николаем Андреевичем, представлялось таким героическим! Интерес к истории лингвистики «дед Кондраш» подогревал сюжетами из биографий и оценками деятельности отечественных филологов XVIII–XX вв. В.Н. Татищева, А.С. Шишкова, О.М. Бодянского, К.С. Аксакова, И.И. Срезневского, Н.В. Крушевского, И.А. Бодуэна де Куртенэ, С.К. Булича, Р.Ф. Брандта. О каждом из них он мог поведать и что-то личное, никем не описанное, найденное им в архивах или, как у И.И. Срезневского, в забытых «Путевых письмах»:

«Мало-помалу стемнело, и месяца не было видно за туманом; но я не переставал глядеть и смотреть. Я был в Богемии: мог ли я спать? Подле Кульма я выскакивал из дилижанса, чтобы лучше видеть поле сражения... Далее любовался я Тёплищем, еще более Лауном; еще далее всякой деревушкой, потому что всякая хатка напоминала мне Русь. В 7-м часу утра мы подъехали к горам, окружавшим Прагу, в 8-м были в Праге. Когда-то сердце мое трепетало, когда я подъезжал к Москве: теперь оно также трепетало. И в самом деле Прага имеет сходство с Москвою. Чудный город! Не знаю, каким я найду его, когда осмотрю лучше; а теперь он для меня лучше не только Дрездена и Лейпцига, но и самого Берлина. А чего стоит одно то, что, проходя по улице, слышишь славянские звуки и даже московский напев» (цит. по изд.: [14, с. 12]).

Представим, как радовался таким открытиям «Кондраш»: он словно переносился в другое измерение и там бродил по лесным и горным тропинкам вместе с собирателями-этнографами, писателями и поэтами XIX века, чертил, сидя на пеньке, карты языков и наречий, заезжал в гости к старцу Юнгману и подглядывал в его монументальный чешский словарь, а потом снова отправлялся в путь и ехал в одном дилижансе с мистификатором «Краледворской рукописи» Ганкой, «отцом чешской историографии» Палацким, провозвестником идеи «славянской взаимности» Челаковским, вольготно беседовал с ними; вдруг задушевный разговор переходил в жаркие споры, в мечты о «всеславянской хрестоматии»..., они цитировали наперебой то Пушкина, то Коллара, в полемическом задоре придумывали себе забавные псевдонимы вроде «Чехобрат Противоштурский»... Потом остановка, новый попутчик, и дилижанс бежит на север, в Берлинский университет, на лекции к самому главному санскритологу Европы Боппу. А затем – куда ветер подует: в Бреславль, в Силезию или к лужицким сер-

бам, а может быть, в Каринтию и оттуда в резьянскую долину, к словенцам? И почти как И.И. Срезневский, «Кондраш» садился где-то в тишине городского парка под липой или поглядывал с палубы на холмистые просторы и аккуратные сказочные домики с черепицей и строчил письма домой жене и сыну...

Дорогие Нина и Саша!

Наша работа подходит к концу. Осталось 5 дней занятий. Сейчас медленно плывем на пароходе по Эльбе в Саксонскую Швейцарию. Министество довольно нашей работой. От Вас я пока ничего не получал и не знаю, как Вы живете на новом месте. Может быть, догадаетесь прислать телеграмму. Все другие тоже ничего не получают. Хочется хоть один раз поест. 13.X. около 9 утра я буду в Москве.

Целую и обнимаю

Ваш отец.

Дрезден, 29.IX.1966.

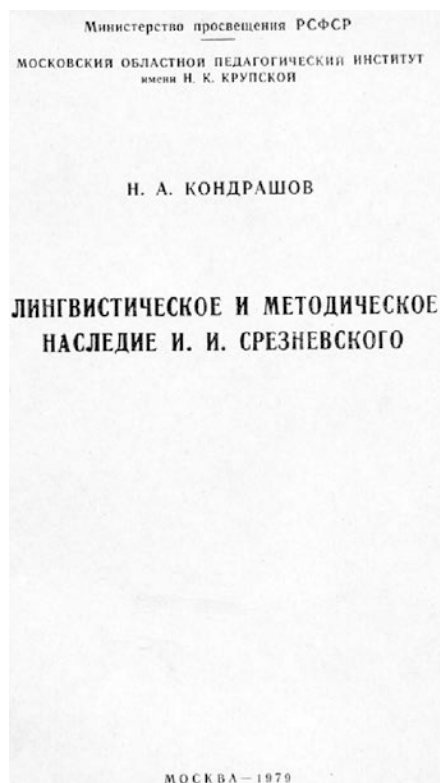

*Оборотная сторона открытки Н.А. Кондрашова жене и сыну из Дрездена.
29 сентября 1966 г.*

Или выдумает что-нибудь эдакое... о женщинах. Как же без них! Бывало, такие болтливые попутчицы попадались... «И представьте себе, – говорила одна, – ведь у нас это нипочем: какая-нибудь девушка, порядочная девушка, начнет читать чешские или другие такие книжки, познакомится с “прешпурской” молодежью, забредит о любви к отчизне, и потом ни с того ни с сего – и забредит за Колларом (так у автора. – О. Н.), за Голым, за не знаю кем другим» (цит. по изд.: [14, с. 22]). А ее сестричка, ничуть не смущаясь неизвестного господина, тут же вступала в беседу: «А знаете, какой он себе скромный, этот Голый: ведь он терпеть не может женщин. Когда говорит с какой-нибудь, всегда отворачивается, будь это хоть столетняя старуха. Даже и с кухаркой своей...» (Там же).

Когда было спокойнее и «Кондраша» не терзали на кафедре «бесноватые бабы», он усаживался где-нибудь поуютнее у окошка в архиве и читал дневник И.И. Срезневского, его отчеты, впитывал жизненные наблюдения о славянских странах и удивлялся тонкому описанию нравов и обычаев XIX века. Николая Андреевича всегда поражало, с каким благоговением тот относился к братьям по духу, выписывая иногда с иронией и добрым юмором их портреты, а порой, почти как статист, рассказывая, с кем познакомился,

куда заходил и у кого успел посмотреть «лексикальные заметки». Он шел по стопам И.И. Срезневского... В один из приездов в Ленинград «Кондрашу» подвернулась удача: он отыскал рукопись «Словаря наречий горных словаков» и потом частично издал ее [14, с. 24–25]. Подобно своему знаменитому предшественнику, Николай Андреевич стал проповедником самобытного языка маленького, но гордого народа. Он влюбился в эту страну, ее культуру, витиеватую историю и так же, как старик Срезневский, верил в духовное возрождение славян.

Обложка книги Н.А. Кондрашова
«Лингвистическое и методическое
наследие И.И. Срезневского» (Москва, 1979)

Жаль, что Н.А. Кондрашов не вел своих «путевых заметок». Но его впечатления от поездок по Словакии, Чехии, Польше или Германии, с колкостями и типичным прищуром, мельком брошенные на лекциях по общему языкознанию, рассказы о встречах с тамошними филологами, рецензии на труды которых он охотно писал, превращались для нас в настоящее паломничество по святым местам славистики. Когда «Кондраш» доходил до современности, на нас сыпались совсем неизвестные фамилии болгарских, польских, сербских ученых в авторской интерпретации Николая Андреевича. Как часто у него бывало, «Кондраш» мог так расписать зазнавшегося лингвиста, что мало не покажется. Он смотрел в корень науки и определял цену любому поступку – пустая это книга (а с ней и автор) или дельная.

А иной раз наш профессор на лекции непривычно затихнет, уставится на нас своими пронзительными «зловредными» глазами и вдруг такое выдаст!.. О талантливом языковеде, историке музыкальной культуры петербургском «казанце» Сергее Константинови-

че Буличе Н.А. Кондрашов рассказывал, что тот в годы революции пострадал от «красного террора»: как видный кадет, он был арестован ВЧК, потом освобожден и вскоре незаметно исчез... Эти истории тогда, в 1980-х – начале 1990-х, еще замалчивали, не любили ворошить славное прошлое. Но упрямый Николай Андреевич любил докапываться до истины. В биографии каждого филолога он видел личность, узревал дух эпохи, проникался ее трагическими парадоксами, странными обстоятельствами и человеческими драмами, происходившими будто бы на его глазах. Он укоренил в себе этот дар бытописателя и на лекциях пробуждал в нас тягу к знанию, оживляя страницы великой страны Славистики.

Мы удивлялись всеохватности проблем и филологических интересов ученого: от старопольских трактатов XVI века до истории языкознания Петровской эпохи, от лингвистических взглядов декабриста И.Д. Якушкина до морфологии хорватского литературного языка, от споров по праславянскому вопросу до гениального скитальца князя Н.С. Трубецкого, от баек о советских лингвистах до словацкой диалектологии, фразеологии и синтаксиса, от древнечешских переводов Псалтыри до языка, этносов и культуры карел, от ошибок в диссертациях по языкознанию 1950-х гг. до этнолингвистического исследования Полесья, от болгарской ономастики до первого словацкого перевода романа Л. Толстого «Воскресение». А еще он в лицах рассказывал о сталинской дискуссии о языке, участником которой был, делился впечатлениями о поездках на международные съезды и конференции... Н.А. Кондрашов и там острил, выступал горячо и даже иногда чересчур, но по-русски быстро отходил среди своих и вел светские беседы на любые темы.

Из «чешского» дневника 1958 г. будущего академика О.Н. Трубачева (а тогда 28-летнего слависта): «Отдельным знакомым лицам (А.В. Исаченко. – О. Н.) давал обстоятельные характеристики: Кондрашов, по его словам, вел себя не совсем разумно в Чехословакии; так преувеличенно ругал советское языкознание и выражался, что “славистики – нет” (в самое недавнее время), что многие начали считать его провокатором. Это вызвало, якобы, нездоровый шумок среди студентов, напр., в Оломоуце» [1, с. 487].

Факел искателя новых идей и книг горел в нем всегда. Он часто шел наперекор чужому мнению, мог вспылить... Его отталкивали «коллеги» по лингвистическому террариуму, припоминали прошлое... В шеренгу учеников С.Б. Бернштейна он не вписывался – они плохо ладили друг с другом и не смогли бы ужиться вместе. Появившись в МОПИ, отлученный от большой науки дерзкий «Кондраш» все же прорывался сквозь сети «доброжелателей», иногда давал о себе знать, вновь взлетая к звездам высокой науки Института русского языка или МГУ, но делал это редко и неохотно. Николай Андреевич так и не научился «подлаживаться» под авторитеты, не пел в хоре воздыхателей и не гнался за академическими лаврами. В его философию жизни не входило приспособленчество. Он был слишком упрям, честен и непокорен.

Филологические путешествия очарованного странника, бродившего в первозданных лесах живой, яркой, духовно крепкой и воспетой мечтателями про-

шлого славистики, были непростыми. Но, несмотря на все его ошибки и скитания (а судьи-то кто?!), я бы назвал Н.А. Кондрашова одним из последних проповедников высокой науки, и эту благородную – святую – миссию он с достоинством выполнял более тридцати лет в областном пединституте. Читая его личное дело, я обратил внимание на один факт: на стандартный вопрос анкеты «Какими языками владеете?» профессор Кондрашов написал кратко, но как же величественно это звучит сейчас: «Всеми славянскими, немецким, французским, английским (хуже)»!

Обложка книги Н.А. Кондрашова
«Осип Максимович Бодянский» (Москва, 1956)

В те годы, когда на литфаке МОПИ профессионально не обучали никаким языкам, кроме скудного английского, иногда французского и немецкого, он ввел спецкурсы по славянским языкам, заставлял читать классиков в подлиннике и без усталости пропагандировал священное для него славяноведение. Причем всегда находил свою дорогу в лабиринте подходов к изучению классических трудов. Его занятия по чешскому, польскому и словацкому языкам, нередко тет-а-тет, в совсем небольших группах или даже для одного студента были глотком свежего воздуха, ступенью к классической подготовке филолога академического типа, о чем он мечтал, находясь в стенах весьма далекого от подлинной славистики вуза. А книги об О.М. Бодянском [7] и Р.Ф. Брандте [9], В.Н. Татищеве [15] и И.И. Срезневском [14], работы по исторической лексикологии [16] и обзорные труды о десятках известных и забытых филологах на фоне блеклых кафедральных сборников и рутинных пособий выглядели незаурядно и, конечно же, привлекали студентов новизной, погруженностью автора в судьбы словесности, которая под его пером приобретала свойства родной, близкой нам науки *лингвистическое отечествоведение* (ср.: [18]). Первая книжка Н.А. Кондрашова

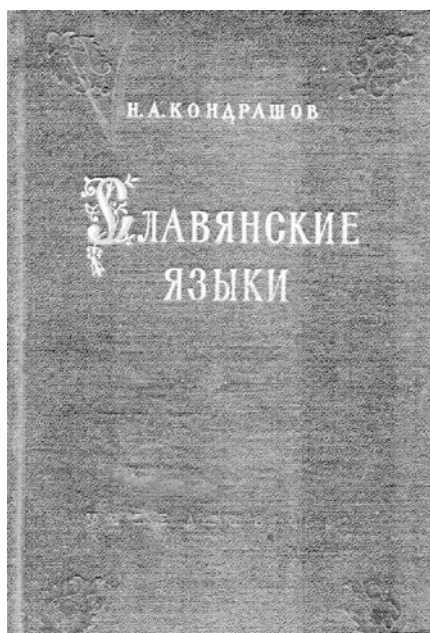
«Славянские языки» [6], изданная им в пору работы в МГУ, обнаружила в нем талант популяризатора и квалифицированного комментатора истории и современного состояния *lingua Slavica*. Он болел этой стихией, жил ею и, думаю, тяготился провинциальной атмосферой, в которой было непросто утверждать идеалы высокой науки.

Карта расселения славянских племен в VIII–IX вв.
из книги Н.А. Кондрашова «Славянские языки»
(Москва, 1956)

Здесь подрастали свои «авторитеты», не желавшие видеть рядом такого взрывного конкурента и не разделявшие его пафоса слависта. В пединституте готовили учителей русского языка и литературы, практиков, способных делать синтаксический и морфологический разборы, чертить схемы предложений, разбираться в сюжетах и фабулах «Войны и мира» и «Тихого Дона», зазубривать лекции методистов и составлять конспекты уроков по раз и навсегда заданному образцу. Какие там высоты славистики, когда к пятому курсу почти все забывали правила фонетической транскрипции! Многие влюблялись в обаяние стихов и романов Пушкина и Тургенева, кто посмелее – обожал «зарубежку», а литература Серебряного века, которую вела неподражаемая Л.А. Смирнова, и творчество писателей-эмигрантов в конце 1980-х находились и вовсе на пике популярности у студентов. Да, рядом с Н.А. Кондрашовым в МОПИ тоже работали известные личности: фронтовик, «литературовидец» Г.Л. Абрамович, пылкий влюбленный и вдохновенный филолог У.Р. Фохт – до середины 1970-х, неутомимая походница-фольклорист А.М. Новикова – до 1980-х. Преподавали еще старики-зарубежники В.Н. Богословский и А.Ф. Головенченко. В годы нашего

ученичества блистали В.Н. Аношкина, С.А. Джанумов, Е.Н. Колокольцев, Л.В. Спицына... – каждый по-своему оригинален, но были и другие... «бунтари», писавшие доносы на Николая Андреевича, обвинявшие его в антисоветчине, устраивавшие феерические разборки на кафедре. Начинались партийные склоки, вызовы на ковер в ректорат, нас стали навещать бдительные органы... И на каждую провокацию Н.А. Кондрашов отвечал по-бойцовски, со всей прямоотой русского человека – то ироническим словом («Черт ли сладит с бабой гневной?»), то делом (см. об одном эпизоде подробнее, например: [30, с. 296]).

Обложка книги Н.А. Кондрашова
«Славянские языки» (2-е изд. Москва, 1962)

И вот в такой галерее педагогов грозный, с крутым норовом легендарный старец «Кондраш». Его недолюбливали чужие, побаивались свои и в то же время испытывали к нему невольное чувство огромного уважения, будто он был носителем «тайноречия», недоступного ваковским доцентам и профессорам. Мы же, студенты, наивные и невежественные, избегали встреч с этим странником, тяготились сложностью и остротой лингвистических коллизий, о которых он рассказывал, не знали, как себя вести, чтобы не навлечь тяжелой реплики Николая Андреевича, тут же превращавшейся в сочную словесную шутку.

Так однажды случилось на экзамене. Студентка рассказывала о классификации звуков речи, трепеща перед неподвижной фигурой «бывалого».

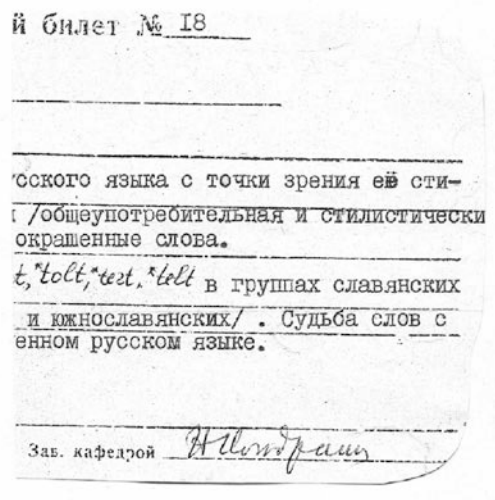
- Звуки бывают переднеязычные, среднеязычные и... (она замешкалась) заднепроходные.

Николай Андреевич тут же встрепенулся:

- Ну-ка, изобразите!

Наверное, в мыслях он не раз возвращался к тому славному времени своей молодости, когда за партами сидели не просто юноши и девушки, а искатели знания, влюбленные в науку, мечтавшие сделать открытия... Всего-то минуло 30–40 лет! В письме к профессору А.Т. Хроленко от 6 апреля 1981 г. Н.А. Кондрашов не сдержался и выплеснул наболевшее: «...я

вижу, что заочник теперь пошел не тот, что прежде. Теперь ему нужен только диплом, а не знания» [29, с. 290].

Фрагмент экзаменационного билета
с автографом Н.А. Кондрашова.
Конец 1970-х гг.

И все-таки он любил студентов, в глубине души надеясь, что из нас выйдет что-нибудь путное, в том числе – может быть – и появятся продолжатели его филологического ремесла...

А нерадивых аспирантов Николай Андреевич называл просто, не стесняясь, при всех, одинаково.

- Ну как там мои дуры поживают? – говорил он, переступая порог отдела аспирантуры.

И все понимали: пришел единственный в своем роде педагог – неповторимый «дед Кондраш».

«Девки от него плакали на кафедре... Забыются в угол... А он: “Похмелкина! Ну-ка иди сюда – мять буду!”». Вообще-то он классный дядька был», – сказал мне однажды его аспирант В.В. Введенский, перебирая в душе незабываемые минуты общения с Николаем Андреевичем.

Проходят годы, а его настоящие ученики уже с юмором говорят: «Еще помню его любимое для меня лично выражение “дурища пещерная” – это его ласковое поощрение и одобрение. Не ко всем он так обращался, только к тем аспиранткам, которых уважал, любил, на кого надеялся...» (из воспоминаний Г.Ю. Колычевой).

Н.А. Жигулина в переписке с автором этой статьи как-то заметила: «Кондрашов был склонен употреблять экспрессивные средства языка... Он мне казался проницательным, наблюдательным, но и осторожным человеком».

Николай Андреевич многих удивлял парадоксами, и дело не в показном «злоречии», а в том, каким он был в действительности, без филологических гримас и натянутого этикета. Его аспирантка В.С. Третьякова вспоминала:

«Но совершенно поразил меня один случай. Мы ехали с ним из корпуса на Бауманской в главное здание на улицу Радио на трамвае. В вагон зашел нищий и пошел просить милостыню у пассажиров. Вид у него был неприглядный. Когда он подошел к нам,

Николай Андреевич достал из кармана железный рубль и подал просящему. Тот поблагодарил и пошел дальше. А я, удивленная такой щедростью (булка хлеба тогда стоила 18 копеек), с интересом и некоторым осуждением спросила:

- Зачем Вы дали ему деньги, ведь он их пропьет?

На что Николай Андреевич сказал:

- Если жизнь заставила человека просить милостыню, значит нелегкая она у него. Пусть хоть выпьет. Я всегда ношу с собой железные рубли, чтобы подать таким, как он.

Его ответ заставил меня пересмотреть свое отношение к людям.

А его мудрые житейские советы! Я всегда с доверием к ним относилась и по возможности следовала им. А его всегда точные оценки людей и событий!»

И в своих книгах Николай Андреевич нередко вспоминал любопытный сюжет, интригу или случай, которые заставляли задуматься «поголовье», одуревшее от суффиксов и приставок, над истинами великих славистов. Так, рассказывая о методических работах И.И. Срезневского, наш мятежный профессор мог запросто процитировать такую выразительную мысль из педагогического сочинения академика: «Пора увериться, что ученик учится не для экзамена, а для образования, и что экзамены учреждены не для потехи и не для общего обмана, а для действительного удостоверения в степени усвоения учеником того, что ему нужно в жизни» (цит. по изд.: [14, с. 64]). Сказано в середине глухого XIX века, а как остро-современно звучит!

Просматривая работы Н.А. Кондрашова разных лет, понимаешь, что он ставил себе очень высокую планку, берег заветы учителей, пробудивших в нем талант слависта. Его имя уже в конце 1950-х звучало в академических сборниках рядом с Вяч. Вс. Ивановым, В.Н. Топоровым, О.Н. Трубачевым, Р.М. Цейтлин...

Николай Андреевич говорил, что наука не стоит на месте, и призывал нас «гоняться» за ней. Своих учеников он старался вовлечь в чудесный мир языко творчества, заботился о том, чтобы огонек свободы мысли и просвещения не угас во тьме ленинских идей и очередных постановлений КПСС об «усилении работы». Он и сам в молодые годы писал парадные статьи о «вожде трудящихся всего мира» [5] в главном лингвистическом журнале СССР «Вопросы языкознания», откликаясь на требование партии. Наша филология тогда воспринималась прежде всего как оружие и непременно должна была воспитывать «борцов за строительство коммунизма». К «красным датам» календаря такие передовицы выходили в каждой газете, в любом издании – публичная наука всегда находилась под контролем Главлита. Смелые шутки в кулуарах конференций или в непринужденной атмосфере застолья после защиты диссертации спасали от гнетущей атмосферы подозрений и запретов. Ломку идеологии «Кондраш» воспринимал как живое – он находился в пекле, в самой ближней комнате к вершителям языковедческой стратегии начала 1950-х гг. Но внутри скорее всего негодовал, взрывался, язвил, видя, как стремительно меняются лица и события, как черное вдруг становится белым, и... уходил в затвор, постепенно уклонялся от власти, подальше от лихих идей и

пустых лозунгов, в обожаемую им славистику. Он понимал, что время его рассказов еще не настало...

Студентам же Н.А. Кондрашов прививал совсем иные ценности, хотя никогда не чуждался всего советского, но относился к нему порой иронически, видя в «разработках» однотипных проблем пустое школярство, и часто подшучивал над этим. С одной аспиранткой 1980-х гг. из далекого города он доверительно поделился знаниями о местных научных традициях: преподаватели там в «своем Эльдорадо» пишут «только о слове “капитал” и словосочетании “производственные отношения”». Николай Андреевич тянул всех ввысь, подальше от мифологем во многом для кого-то счастливой эпохи торжества пятилеток, в сторону от «бытовой лингвистики», и в котомке-портфеле профессор носил рукописи неоконченных трудов.

Н.А. Кондрашов остро переживал то, что происходило в славянских странах в 1990-е: раскалывание границ и родственных связей, дележ языков и культур, «исторические» претензии друг к другу и обиды на Россию – все это так не нравилось ему, воспитанному в традициях всеславянства Вука Караджича, Измаила Срезневского, Павла Шафарика, Людовита Штура. Очарованный странник, он, подобно своим соплеменникам по духу, исколесил эти страны не как турист, а как исследователь: он на месте серьезно занимался изучением словацкого литературного языка, ставшего позднее темой его докторской диссертации [11], поддерживал идею самобытности культур братских народов, понимал и трагические, разрушительные последствия распрей и войн, и ложный пафос национального превосходства. Над славянством нависали тяжелые испытания, и Николай Андреевич в сердцах на лекциях говорил нам: «В Боснии и Герцеговине коммуникативная функция языка сведена к нулю. Они общаются с помощью пулеметов». Как он был прав в своих прозрениях! Как хочется сейчас снова вдохновиться идеей панславизма и окунуться в мечтания просветителей и ученых П.В. Киреевского, В.И. Ламанского, А.С. Хомякова о кирилло-мефодиевском братстве! Но начавшаяся с войн и дробления славян хроника Европы конца XX века, и это предчувствовал Н.А. Кондрашов, оставляет нам слишком мало времени для духовного просветления...

Отголоски лекций Николая Андреевича всегда жили во мне, будоражили воображение художественными картинками, характерами и сюжетами почти детективных историй такой «скучной» науки – теории языка. Все мы, старшекурсники, уже определились с темами дипломов, и сидеть на лекциях, как первоподки, в переполненных аудиториях не могли, да и не хотели – у многих были свои интересы. «Деда Кондраша» мы не знали, а потому отнеслись к нему с осторожностью, подогреваемой мнением некоторых педагогов-доброжелателей, шипевших за его спиной, дескать, старый дурак, давно умом тронулся, что с него взять. Слишком мрачным, суровым и по-мужски требовательным он нам представлялся. А уж если связать о «великом академике Виноградове» и «друге Сталина Чикобаве» или ненароком кого из факультетских «классиков» и партийных авторитетов заденет при всех так, что стыдно почему-то становилось нам и

в то же время любопытно... Тогда мы ничего и не знали, какая скрытая борьба идеологий происходила в советской науке.

После такой словесной встряски мы вроде бы начинали просыпаться от радужных впечатлений о «дружной семье» преподавателей, которые казались нам чуть ли не иконами. А тут... одно хлесткое выражение вроде *кисель тошнотворная* или *модель белобрысая* – и человека как сдуло с олимпийских высот. Николай Андреевич никого не боялся и порой высказывался крепко, с матерком – бунтовал, и что-то в нем переворачивалось, надрывалось и не давало покоя. А мы смотрели на эти душевные терзания и, смущаясь, с недоумением кивали на старика.

Профессор Николай Андреевич Кондрашов.
Фото конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Многие его миниатюры до сих пор всплывают в памяти, а забористые насмешки и «приколы» выглядят вполне осязаемо и странным образом возвращаются к нам в живых студенческих историях.

Однажды в 1990-е на лекции, по воспоминаниям Н.В. Халиковой, Николай Андреевич иронически произнес: «Паду ли я, дрючком пропертый?» «Это вообще был первый анекдот про сталинское языковое строительство, который он нам рассказал. “Евгения Онегина”, как и всю классику, переводили на все языки союзных республик. И “Кондраш” щедро цитировал не самые благозвучные для русского уха отрывки пушкинских шедевров, иллюстрируя таким необычным образом совсем непростой период в истории отечественного языкознания».

Когда, бывает, изредка пролистываешь студенческий альбом или смотришь свои ребяческие записи на лекциях, вдруг все сжимается, начинаешь вздрагивать и... видишь перед собой души ушедших людей. Вспоминается такое: «Как отличить умного человека от дурака? Умный скажет: “Эпоха Просвещения”, а дурак – “Эпоха Ренессанса” (искусствоведов сейчас в расчет не берем)».

Они ограждали нас от бед и напастей, от худых забав, учили мудрости, дерзости, вере и покаянию. Николай Андреевич – очарованный странник в царстве славистики – один из таких героев. Кто прошел кондрашовскую закалку, тот запомнил его на всю жизнь!

Он вел у нас на последнем курсе очень сложный предмет «Общее языкознание» (см.: [12; 13]). Узнав, что экзамен будет принимать ассистент, а не лектор-

профессор, большая часть студентов испарилась. Пятый курс, первая пара – всем хотелось отоспаться, а не слушать неровный, хриловатый, с грассирующим «р», голос старика-слависта, периодически взрывающегося от едких афоризмов в адрес коллег-филологов. Я ходил до конца, может быть, потому, что чувствовал в нем особый тип ученого, поражавшего меня энциклопедизмом и живой интонацией рассказчика. У кого еще такое услышишь!..

Но тетрадь с лекциями куда-то пропала, а с ней ушли и осколки памяти о нашем прошлом, в котором жили такие выразительные педагоги, как Н.А. Кондрашов. «Что же делать?» – подумал я и посмотрел на висящие над столом полки с книгами. Десятка три, а то и больше – из библиотеки Николая Андреевича. Много лет они находятся со мной и хранят память об их собирателе. Итак, я решил: свой очерк посвящу этим «письмовникам» – хранителям истории. Давайте проникнем в мир лингвистических мечтаний нашего профессора, возьмем в руки старинные книги и поучимся у них мудрости, как это делал когда-то незабвенный «дед Кондраш».

* * *

Славистика – главная песня Николая Андреевича. Он был ее желанным сыном и чувствовал, где лежат истоки материнской любви: в древностях и сакральных «патериках», о которых мало кто знал, в дружеских письмах первых филологов-романтиков, в забытых словарях и грамматиках – там, где высокие помыслы о просвещении сливаются с самозабвенной мечтой, открывающей дорогу к знанию.

Н.А. Кондрашов – не только талантливый летописец науки, но и трепетный книгоед и библиофил, собравший уникальную коллекцию антикварных «синодиков». Именно они воспитывали в нем дух языковеда и потрясающего рассказчика, доставляли ему радости открытий и создавали уют посреди советской науки, приобщали к ее тайнам, позволяли, наконец, самому оценивать исторические факты. И вероятно, он предчувствовал, что его собрание уйдет вместе с ним и, наверное, сожалел об этом.

Профессор Г.М. Шипицына, одна из аспиранток Н.А. Кондрашова, с душевным теплом вспоминала о встречах и беседах с Николаем Андреевичем в неформальной обстановке. Сердечные нотки звучат почти в каждой строке ее мемуаров. Она видела это богатство – классическую домашнюю библиотеку филолога. Ее воспоминания в какой-то мере созвучны и нашим размышлениям о послевоенном поколении славистов. Они были собирателями и созидателями. Для них книга – как святой образ, что-то неизменно светлое и живое, поучительное.

Позволим себе привести здесь эти заметки Г.М. Шипицыной с некоторыми сокращениями:

«Мы, аспиранты Н.А. Кондрашова, иногда работали вместе с ним у него дома, на Щербаковской, недалеко от метро “Семеновская”, в просторном кабинете профессора – помогали готовить к сдаче в издательство рукопись его будущей книги. А в перерывах отдыхали, общались... В один из таких моментов Николай Андреевич показывал нам свою библиотеку – несколько старых шкафов от пола до потолка, боль-

шая часть которых была заполнена книгами и научными журналами по славистике, трудами ученых классического русского и зарубежного языкознания. Некоторые из них на языках разных славянских народов, особенно много работ на чешском.

Потом он достал нам свою докторскую диссертацию [11]. Помню, что мы удивились ее внешнему виду – она была огромной, в большой, специально изготовленной для этой рукописи папке. Я попробовала ее поддержать – она казалась мне довольно тяжелой.

Я спросила:

- А почему она такая огромная?

Н.А. Кондрашов:

- В то время не было установлено ограничений объема диссертаций. Это вам теперь хорошо – не более 150 страниц на кандидатскую! А в мое время диссертации были длинными, а уж докторские... – чем она больше, тем казалась основательней.

Он потом еще стал рассуждать примерно так:

- Но ведь и действительно, в объемный труд можно было вложить куда больше и материала, и идей. Потому и ученые старшего поколения – это настоящие исследователи языка, а не скороспелые *кандидатишки* (это слово я хорошо помню!) наук, как сейчас.

Мы также посмотрели его книги, поговорили об их проблематике.

Н.А. Кондрашов с горечью заметил:

- Да, все это так... Книги мои далеко не для всех. Плохо, что у меня нет в семье такого наследника, кому бы я мог собранные в течение жизни книги, журналы и рукописи передать. Публике они неинтересны, только специалисту по славистике.

Кто-то из нас предложил завещать все это институтской библиотеке.

Н.А. Кондрашов:

- В учебных библиотеках периодически проводится чистка – уничтожают все, что не востребовано. В библиотеке место на полках надо для новейших учебников. Со временем все это мое хозяйство пропадет, уже сейчас мало кто интересуется историей языков. Наука стала массовой и по качеству иной – поверхностной. А чем дальше, тем еще меньше будет людей, которых интересуют такие книги» [32, с. 303–304].

Осматривая свои полки, где находятся фрагменты домашней коллекции «деда Кондраша». Вот они: потертые, с оторванными корешками и вмятинами, надорванными страницами, многие книги просто падают на шитые блоки. Как они попали к Николаю Андреевичу? Наверное, так же, как и академик В.В. Виноградов, он высматривал их по старым букинистам и «блошиным рынкам» или разбирал никому не нужные библиотеки ученых. Увы, в XX столетии часто исчезали ценные книжные собрания просто так, от недосмотра, или их выбрасывали... А «Кондраш» подбирал эти раритеты, хранил память о прошлом славянской филологии.

Беру первые внушительного веса несколько фолиантов:

Письма к М.Н. Погодину из славянских земель (1835–1861). Выпуск III-й (и последний). С примечаниями д. ч. Нила Попова (Москва, 1880);

Н. Петровский. Первые годы деятельности В. Копитара (Казань, 1906);

Энциклопедия славянской филологии. Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Под редакцией орд. акад. И.В. Ягича. Выпуск 12 (Санкт-Петербург, 1908);

Энциклопедия славянской филологии. Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Под редакцией орд. акад. И.В. Ягича. Выпуск 11.1. А.А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка (Петроград, 1915);

Рад. Кошутин Грамматика руского језика. Друго издње (Петроград, 1919).

Листаю первую книгу – удивительное собрание документов по истории славяноведения середины XIX в. В трех выпусках издана хроника становления и развития этой науки. Читаешь и поражаешься живому изложению словес тех, кто стоял у основания величественного здания славянской филологии. Письма О.М. Бодянского и П. Шафарика, «Русины в Галиции», переписка В. Копитара и Й. Добровского, послания Фр. Миклошича, Я. Коллара, Л. Штура, С. Линде, В. Караджича и многих других «возрожденцев» языка, культуры, исторической правды об истерзанных войнами, политическими дразнами и борьбой за независимость народах Западной и Южной Европы.

Как необычно сейчас читать эти письма с их непривычными «Милостивый Государь» (оба слова с прописной буквы!) в начале и «покорнейший слуга» или «Вашего Сиятельства покорнейшим слугою» в конце, проникаться обсуждениями острых балканских проблем, когда «соплеменная и единокровная нам Болгария спала летаргическим сном под игом магометан и греческой власти» [26, с. 712], слышать сетования В. Караджича о «несчастной войне» (Там же, с. 701), упоминания о найденных апостолах, минеях, служебниках и других церковных книгах. Перед ученым проходила очень непростая хроника жизни славянства. В нелюбимых откровениях его лучших представителей он черпал, возможно, и сюжеты для своих историй.

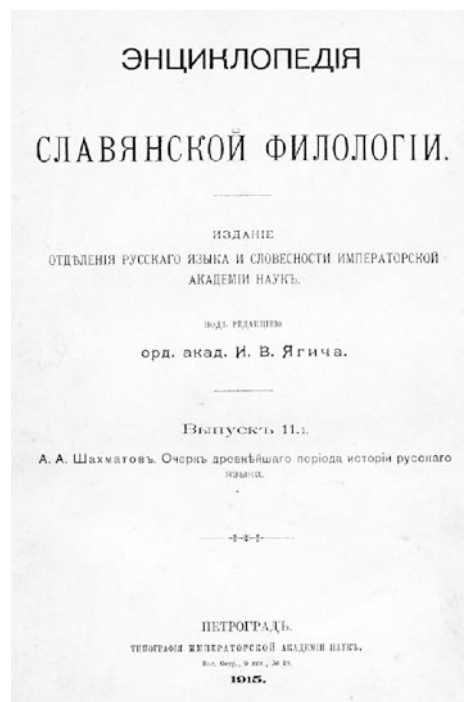
Н.А. Кондрашов любил филологическую мемуарику. Ему повезло: в конце 1940-х начали издавать архивные собрания документов и писем по истории славяноведения, которые хранились в библиотеке Николая Андреевича, а теперь стоят в моей. До чего же хороши были светлые идеи о создании «Славянского общества» и проведении съездов, проекты и комиссии, описания путешествий, издания памятников языка и литературы, доверительные признания друзьям и близким!.. Николай Андреевич вздохнул эти летописи и не мог удержаться от восторга. Вот, например, что он подчеркнул в письме В.И. Ламанского к родителям 1862 г.: «В Новом Саде был в гостях два раза на обеде у владыки, у епископа Платона. Все живут отлично, едят чудесно, пьют превосходные вина. 30 числа в Новом Саде был концерт в пользу черногорцев и герцеговинцев, а после бал. Я был одет в парадном сербском костюме – душанке. Барышни здешние напоминают наших купчих, почти все белятся и румянятся» [4, с. 47]. Эти, на первый взгляд, незаметные детали, добавляют любопытные штрихи к филологическому портрету Н.А. Кондрашова...

Обложка книги Н. Петровского
«Первые годы деятельности В. Копитаря» (Казань, 1906).
Из книжного собрания Н.А. Кондрашова

Книга профессора Императорского Казанского университета Н.М. Петровского «Первые годы деятельности В. Копитаря» посвящена обзору биографии и научных достижений знаменитого словенского лингвиста и историка. На ее обложке сохранилась дарственная надпись черными чернилами: «Многоуважаемому Ивану Михайловичу Покровскому от автора». 750 с лишним страниц убористой печати с подробнейшими комментариями! Рассказ о загадочной далекой эпохе, судьбах людей, грамматиках под пером Н.М. Петровского превращается в настоящий исторический роман... Открывается книга таким показательным высказыванием: «Героические времена славянской науки давно миновали; эпигоны ее полубогов могут только с изумлением оглядываться на подвиги Добровского, Копитаря, Шафарика и в изучении их деятельности находить отраду, заставляющую забывать невольное чувство зависти к их трудам» [24, с. III]. Язык и манера изложения, документальный с нотками иронии рассказ автора о судьбе знаменитого слависта даже для не сведущего в науке читателя делают ее любимейшим увлечением, а подобные книги – пищей для души. Вот что говорил ученый о годах взросления Варфоломея, будущего лингвиста: «Свое детство Копитарь провел в занятиях, соответствующих его общественному положению – он пас отцовские стада; полвека спустя он утверждал, что “это давидовское воспоминание о горах и лесах все еще принадлежит к самым приятным для него”» (Там же, с. 5). Или, например, Н.М. Петровский приводил такой сюжет из ранней биографии В. Копитаря: «Впоследствии Копитарь вспоминал, что при изучении азбуки для него было любимой буквою *i*, “так как он при этом думал об *i* (*hi*), которое ему было еще хорошо известно, как отклик отцовской кобылы”» (Там же, с. 9)

Вот откуда у «Кондраша» могли быть такие подробности из жизни великих славистов! Он читал настоящие книги!

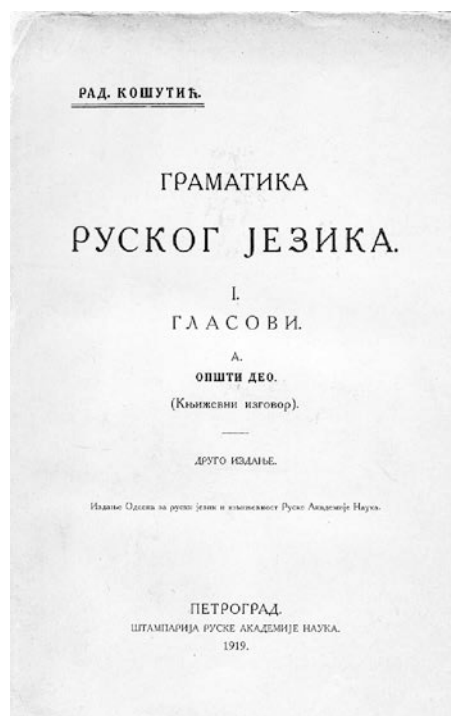
Обложка книги «Энциклопедия славянской филологии»
(Выпуск 11.1. Петроград, 1915).
Из книжного собрания Н.А. Кондрашова

Держу в руках совсем разваливающиеся на «восьмерки» два тома поистине грандиозного издания, предпринятого по инициативе академика И.В. Ягича, – «Энциклопедия славянской филологии». На титуле первой книги автограф: *Ex libris Piekarski*. Не из тех ли он Пекарских, в роду которых был известный библиограф, историк литературы и архивист академик П.П. Пекарский?

12-й выпуск открывается «Проспектом» «Энциклопедии», которая по охвату проблем, именам привлеченных к работе ученых, глубиной исследовательской мысли, дискуссионности и новизне тем, будь она издана целиком, могла стать шедевром славистики, памятником науке. Но все же кое-что удалось сделать. Так, в упомянутом выпуске издан «Очерк истории современного литературного русского языка (XVII–XIX век)» [3] Е.Ф. Будде – по сути дела, первый систематический труд по предмету, только входившему в круг филологических интересов в начале XX столетия.

Другой том из знаменитой «Энциклопедии славянской филологии» с опубликованной в нем книгой академика А.А. Шахматова – уникальный раритет, свидетельство того, как Николай Андреевич относился к фигуре выдающегося подвижника отечественной филологии. До сих пор «Древнейший очерк...» истории звуков русского языка раннего периода его развития является непревзойденным по объему проанализированных фактов и явлений «общерусского праязыка» (в терминологии А.А. Шахматова), историко-культурным, этнологическим сопоставлениям. Здесь представлена география языковых древностей. Эту книгу он посвятил памяти своих любимых педагогов академиков Ф.Ф. Фортунатова и Ф.Е. Корша. «Предисловие» к ней завершил такими словами: «Печа-

люсь о том, что, по обстоятельствам военного времени, мой учитель, академик И.В. Ягич, мог проредактировать только первые семь листов настоящего выпуска основанной им “Энциклопедии славянской филологии”» [31, с. II].

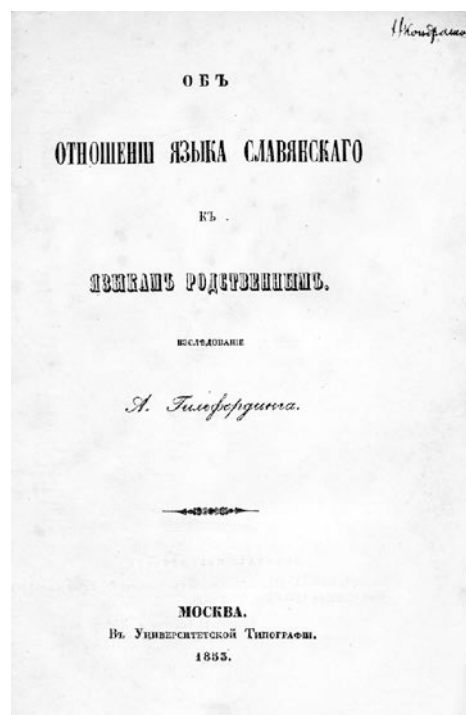

Обложка книги Р. Кошутича
«Грамматика руског језика» (Петроград, 1915).
Из книжного собрания Н.А. Кондрашова

Судя по отметкам на обложке «Грамматики русского языка» Радована Кошутича, Н.А. Кондрашов купил ее в книжном магазине Москвы в 1952 г. за 35 рублей. Объемное исследование на сербском (!) языке, посвященное фонетике и литературному произношению, на 512 страницах было издано по инициативе академика А.А. Шахматова [17]. Уникальный факт русско-сербских связей в разгар революции. Это были трагические годы для славистики в новой России! Кажется, такого фундаментального труда еще не выходило в истории лингвистики того времени.

Эти и многие другие книги в 1995-м, когда не стало Николая Андреевича, мы вместе с его ученицей профессором Л.П. Рупосовой и студентами-заочниками спасали от гибели: таскали с лестничной площадки его квартиры, паковали в коробки, наспех перевязывали и везли на трамвае до ближайшей станции метро, а потом, от «Бауманской», надрываясь, волокли на улицу Энгельса, 21А – в нашу обитель. Затем возвращались, чтобы успеть принять новую партию «макулатуры». Славистический архив, по видимому, раздражал наследников, и они хотели поскорее избавиться от этого «хлама». В домашнем собрании Николая Андреевича хранились многочисленные оттиски статей, вырезки из западноевропейских газет и журналов, учебники по славянским языкам, какие-то тексты – сейчас я уже смутно помню об этом море обложек книг, замысловатых латинских строчек, десятках знакомых и неизвестных имен ученых, с которыми он

переписывался. Их было столько, что наша кафедра, а потом и деканат находились под грудой домашнего архива «деда Кондраша». Удивительно, как он жил среди этого богатства книжной мысли!

Обложка книги А. Ф. Гильфердинга
«Об отношении языка славянского
к языкам родственным» (Москва, 1853).
Из книжного собрания Н.А. Кондрашова

Дальше на моей полке стоят, тесно прижавшись друг к другу, оттиски из какого-то журнала середины XIX в. со статьями «Влахо-болгарские или дако-славянские грамматы (sic!), собранные и объясненные Юрием Венелиным» и «О разборах Русской грамматики для русских, составленной В. Половцовым»; редчайшее издание книги протоиерея Г.П. Павского «Филологические наблюдения над составом русского языка» (М., 1850) в отличном кожаном переплете; исследование слависта-былинника А.Ф. Гильфердинга «Об отношении языка славянского к языкам родственным» (М., 1853); оттиск из «Чтений в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» 1873 г. с загадочным названием «Трилогия на Трилогию. Исторический очерк из современной жизни русского университета» К. Муция Сцеволы и в нем же «Объяснение» О.М. Бодянского; «Искусство устного изложения (чтение вслух, декламация, ораторская речь и проч.)», составленное М. Бродским (СПб., 1887); забытые ныне «Материалы для словаря древнерусского языка» А. Дювернуа (М., 1894); «Рассуждение о языке Саввиной книги» В.Н. Щепкина (СПб., 1899); книга гениального Ф.Е. Корша «О русском народном стихосложении» (СПб., 1901); «Южнославянская палеография. Курс, читанный в С.-Петербургском Археологическом институте в 1903–1904 году» П.А. Лаврова (СПб., 1904); восемнадцатое издание классической книги академика Я.К. Грота «Русское правописание»

(СПб., 1908); «Краткий очерк диалектологии и истории русского языка» В.А. Богородицкого (Казань, 1910); «Высший курс русской грамматики, составленный В. Стоюниным» (СПб., 1911); оригинальный и до сих пор не потерявший значения «Сборник задач и упражнений по “Введению в языкознание”, по преимуществу применительно к русскому языку» бунтаря и экспериментатора И.А. Бодуэна де Куртене (СПб., 1912); небольшая брошюра «1812–1912. Измайлов Иванович Срезневский. Краткий биографический очерк» (СПб., 1913) с пометами на титульном листе Н.А. Кондрашова: «Автор биографии словак J. Škultéty, см. № 257 (стр. 362 сб<орника> «Памяти И<змаила> И<вановича> Срезневского», кн. I. СПб., 1916); «Древнецерковнославянский синтаксис» чешского филолога В. Вондрака в переводе Н. Петровского (Казань, 1915); «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии», составленный замечательными лингвистами и педагогами Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколовым и Д.Н. Ушаковым (М., 1915); второе издание книги В.И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики» (Пг., 1915), удостоенной «в рукописи» Императорской Академией наук премии имени М.И. Михельсона; необычное и весьма полезное для студентов пособие к лекциям профессора Императорского Московского университета В.К. Поржезинского «Введение в языковедение» (М., 1916); классический «Учебник русской палеографии» В.Н. Щепкина (М., 1918, на обложке – 1920); четвертое издание популярной книги Д.Н. Ушакова «Краткое введение в науку о языке» (М., 1919), «Очерк истории русской литературы» знаменитого слависта-древника В.М. Истрина (Пг., 1922); потерявшиеся в модных течениях XX–XXI вв. «Очерки синтаксиса русского языка» М.Н. Петерсона (М.; Пг., 1923); первое издание в русском переводе труда американского этнолингвиста Ф. Боаса «Ум первобытного человека» (М.; Л., 1926); замечательная книга талантливого языковеда Л.Л. Васильева «О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI–XVII веков» (Л., 1929).

«Его превосходительству Измаилу Ивановичу
Срезневскому.

которых Вы изволили и меня почтить. Я не могу Вам сказать, с каким живым интересом я прочел письма и переписку Востокова: вот настоящий труженик науки, великий ученый! Теперь только я понимаю его и – Вас. Я и прежде верил Вашим словам, но не совсем понимал Вас, когда Вы с уважением и одушевлением говорили о Востокове. Теперь только выступает рельефно перед моими глазами полная картина знаменитого русского филолога: я его вижу, вижу, какой он исполин, когда сравнить с ним всех и русских, и западнославянских его современников. Спасибо Вам, Исмаил Иванович, за то великое удовольствие, которое Вы мне доставили изданием переписки А.Х. Востокова...» [25, с. 70].

Обложка книги В. Поржезинского
«Введение в языковедение. Пособие к лекциям»
(Москва, 1916).

Вот помещенное в книге письмо знаменитого сла-
виста 17-летнему А.А. Шахматову, только делавшему
первые шаги в науке: «Спешу уведомить Вас, моло-
дой друг, о том, что я сегодня отправил Вашу статей-
ку в Лейпциг в типографию. Недели через 3 Вы полу-
чите уже корректуру. Сколько хотите отдельных от-
тисков, 25 или больше?» (Там же, с. 210).

лись тогда как мостик свободы в другой мир идей, дискуссий, концепций. Но, конечно же, наше советское языкознание, было «самое передовое»...

Не стану рассказывать обо всех сокровищах из библиотеки Николая Андреевича. Но даже приведенный выше список имен и названий впечатляет! Каждая книга без преувеличения – открытие истины, проникновение в тайну, завет из прошлого...

Оттиск работы Ф.Е. Корша
«О русском народном стихосложении»
(Санкт-Петербург, 1901).
Из книжного собрания Н.А. Кондрашова

Академик А.Х. Востоков.
Карандашный портрет работы художника
К.А. Трутовского (1850 г.), впервые опубликованный
в статье Н.А. Кондрашова «Людвиг Штур
и формирование словацкого литературного языка
(к столетию со дня смерти)» [8].
Из книжного собрания Н.А. Кондрашова

Раскрою лишь одну из них под интригующим заголовком «Трилогия на Трилогию. Исторический очерк из современной жизни русского университета»

К. Муция Сцевола. Ее автор – совсем не легендарный римский юноша-патриций, а герой-славист О.М. Бодянский. Н.А. Кондрашов написал о нем книгу [7], в которой сделал блестящий обзор не только биографий и достижений филологов, но и рассказал о кознях политиков, «просвещенцев», проник в университетские традиции, где подчас царили отнюдь не академические нравы. Борьба за независимость устава и доносы, получение «без осложнений» докторских степеней, бесконечные склоки, поддержка интриганов влиятельными чиновниками, лицемерие... Под античным псевдонимом О.М. Бодянский выступал против засилья бюрократии и бездумного изменения программ и учебников. В подцензурном журнале, который он редактировал, Осип Максимович писал с горечью: «Пусть программы, делая студентов школьными куклами, начиненными вызубренными фразами и чужими мыслями, убивают в них самостоятельность мысли, питаемую лишь свободным преподаванием; пусть профессора заботятся только о благополучной сдаче экзамена...» [2, с. 314]. Еще раньше О.М. Бодянского забаллотировали на выборах. Естественно, начальство никогда не жаловало свободомыслящих ученых; кому они нужны, эти бунтари и смутьяны!..

ТРИЛОГИЯ НА ТРИЛОГИЮ.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ИЗ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ РУССКАГО
УНИВЕРСИТЕТА.

Nihil compositum miraculi causa,
verum audita scriptaque senioribus tradam.

Tacit.

По той важности, какую имѣютъ въ жизни народовъ высшія учебныя и ученыя учрежденія, всѣмъ, посвящающій себя изученію бытія, обязанъ внимательно слѣдить за судьбой ихъ, отмѣчая въ дневникъ-своемъ всѣ перемѣны, происходящія въ нихъ къ лучшему, или къ худшему. На сѣмъ основаніи и мы заносимъ на страницы «Чтеній», какъ наданія историческаго, очеркъ изъ современной жизни Русскаго Университета, именно борьбы его, за сохраненіе дѣйствующаго нынѣ Устава Русскихъ Университетовъ, съ тѣми немногими, которые всемірно ратуютъ противъ оного, предлагая уже съзнанъ крутъ самостоятельной, свободной дѣятельности ихъ, дарованной еще такъ недавно имъ въ ихъ Уставѣ. И это тѣмъ обязательнѣе для «Чтеній», что Общество Исторіи и Древностей Русскихъ состоитъ при одномъ изъ сихъ высшихъ учрежденій, получило свое существованіе при немъ, и при томъ въ одно время съ первымъ Уставомъ для Русскихъ Университетовъ, самымъ лучшимъ и самымъ либеральнымъ изъ всѣхъ, послѣдовавшихъ за нимъ: многое и многое вошло изъ него, вопреки злобѣ дня, и въ пресѣдуемый теперь Уставъ короткими нашего времени. Для Историческаго Общества прощаніе Университета (а его итъ и быть не можетъ, безъ самостоятельной жизни) есть и его процвѣтаніе, и, на оборотъ, съ прозбаніемъ его, и оно неминуемо прозябаетъ. «Bonae indoles, ubi fructus non possunt, sperni, non fructus, edunt.»

Какъ ни коротко, однако же, время, протекавшее отъ перваго напора на дѣйствующій нынѣ Университетскій Уставъ, по сѣ поры, по уже литература этого вопроса немалочисленна. Отмѣтимъ вазнѣйшее, по нашему мнѣнію, изъ нея:

1. По поводу предстоящаго пересмотра Университетскаго Устава. И Любимова. Русскій Вѣстникъ 1873 г., кн. 2.
2. Рачители Университетскаго Устава. О. Отечественныя Записки 1873 г., кн. 3.
3. Университетскій вопросъ. В. Герье. Вѣстникъ Европы 1873 г., кн. 4.
4. Разборъ мнѣнія О. П. Любимова. С. Усова. Отечественныя Записки 1873 г., кн. 4.

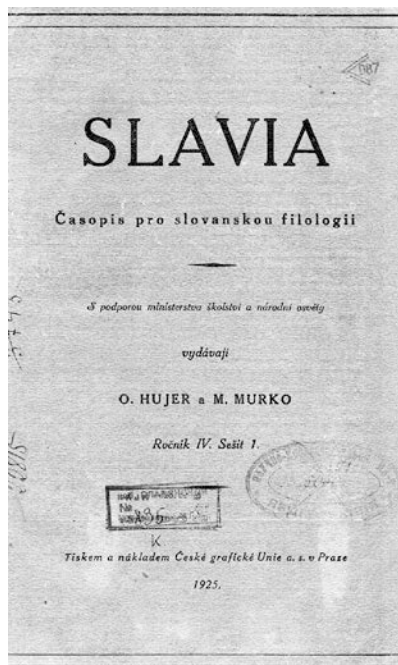
Начало статьи «Трилогия на трилогию» [2].
Из книжного собрания Н.А. Кондрашова

Забытые ныне эпизоды учебных баталій XIX в. Осип Максимович в красках описал в статье, хранившейся в архиве Н.А. Кондрашова. Как же они похожи! Оба шли своей дорогой в науке, много путешествовали, лезли на рожон и не могли усидеть долго по этой причине на одной должности. Оба откровенни-

чали и не стеснялись в выражениях, отличались прямотой и твердостью духа. Потому, наверное, так живо читаются биографии ученых, написанные Николаем Андреевичем. Он никогда не был равнодушен к характерам и судьбам славистов, всегда искал и находил в них свою правду.

Библиотека «Кондраша», малая часть которой сохранилась у меня дома, не просто подбор красивых книг в старинных переплетах. Почти с каждым именем связана тайна, лихо закрученный сюжет, и мы невольно обращаемся к себе и начинаем думать по-другому, видеть высокое, подлинное, вечное. Как бы хотелось сейчас не горевать об утраченном наследии Николая Андреевича! И сколько похожих потерь было на моих глазах!.. Из коллекций таких статей и книг можно собрать и выпустить отдельный сборник под названием «Библиотеки мыслителей». Они направляли бы нас в учении, возвращали разум, напивали творческой силой, а может, освобождали бы от грехов. Без собирательства не рождается *филология духа* – она скудеет и тает и превращается в пыль веков.

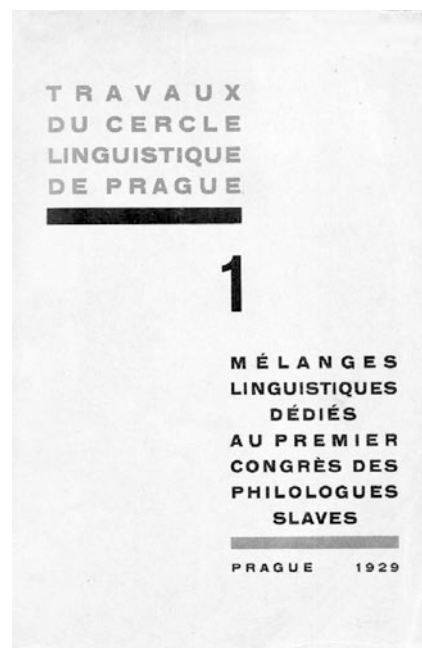
Некоторые издания, думается, были особенно дороги Николаю Андреевичу. Он сберег несколько выпусков «Трудов Пражского лингвистического кружка» и подборку номеров легендарного журнала «Slavia» середины 1920-х гг. Это живая история славяноведения и формирования современных лингвистических течений. Все самое интересное, передовое, новаторское публиковалось тогда в чешской «Славии» – настоящая философия языкознания. Калейдоскоп идей и обмена мыслями между учеными разных поколений завораживает!..

Обложка журнала «Slavia» (1925).
Из книжного собрания Н.А. Кондрашова

Один из экземпляров «Slavia» 1925 г., судя по штемпелям, имел очень непростую биографию: вначале он хранился в Научно-исследовательском институте языкознания – печально известном НИИЯЗе, где

работал «погромщик» М.Г. Бочачер, затем – в фундаментальной библиотеке «И.Ф.Л.И.», откуда, очевидно, как «дефектный экземпляр» попал к Н.А. Кондрашову. Перечень статей обычного номера лингвистического журнала поражает глубиной и нетривиальностью проблем. Вот лишь некоторые из них: А. Селищев. Русский язык у инородцев Поволжья; В. Ржига. Композиция Слова о полку Игореве; В. Вальденберг. Природа и Закон в политических воззрениях Пушкина; Е. Аничков. Заметки по рукописям и творчеству Лермонтова; критика, рефераты, обзоры конференций Б. Гавранека, Н.Н. Дурново, Л. Копецкого, Ст. Младенова, Й. Поливки и т. д. Это почти энциклопедия славистики 1920-х гг.!

Обложка «Трудов Пражского лингвистического кружка»
(вып. 1. Прага, 1929).
Из книжного собрания Н.А. Кондрашова

А вот первый выпуск «Travaux du cercle linguistique de Prague», приуроченный к I Международному съезду славистов. Он открывается «Тезисами» – программой другой, уже не фортуноватского толка, лингвистики, и статьями В. Матезиуса, С.О. Карцевского, Я. Муражковского, П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого, Р.О. Якобсона и других участников заседаний. Во втором выпуске опубликована монография Р.О. Якобсона о новой науке – фонологии. А восьмой (1939 г.) посвящен памяти князя Н.С. Трубецкого. Многие книжки с подчеркиванием текстов, карандашными пометами, ремарками Н.А. Кондрашова. Последний абзац «Тезисов Пражского лингвистического кружка» справа на полях выделен скобкой, вдоль которой написано: «От... до переводить». Занимаясь чешско-словацкой лингвистикой, Николай Андреевич сделал почти неосуществимое: выпустил в издательстве «Прогресс» объемный сборник статей основоположников этого содружества мыслителей под названием «Пражский лингвистический кружок» (М., 1967) – подарок всем почитателям славистики. Под одной обложкой опубликованы классические работы мно-

гих запретных ученых: и коренных пражцев, и русских эмигрантов. А в «Предисловии» составителя Н.А. Кондрашов сделал краткий обзор их идей и, конечно же, ошибок – куда же без них в советском языкознании! Ведь структурализм в СССР считался буржуазным течением, но, по мнению Н.А. Кондрашова, идеи Пражского лингвистического кружка «гораздо ближе ко многим положениям советского языкознания, чем установки других направлений структурной лингвистики» [10, с. 15].

Даже в серьезном издании «дед Кондраш» не мог обойтись без своего сарказма, когда, говоря о проблемах новых литературных языков, шутливо упоминал Й. Зубатого, который у нас, студентов, вызывал немало улыбок прежде всего из-за комментариев Николая Андреевича (см. об этом и в воспоминаниях Н.В. Халиковой: [28, с. 216]). Суть их споров и размолвок нам была не совсем ясна, но теперь, заглянув в сборник 1967 г., понимаешь, что имел в виду Н.А. Кондрашов: «Й. Зубатый позицию чешских пуристов охарактеризовал двумя ироническими тезисами: 1) все, чем чешский способ выражения совпадает с немецким, является в чешском языке германизмом; 2) из двух способов, посредством которых в чешском языке можно выразить одно и то же, один способ должен быть всегда неправильным». Не нравилось «Кондрашу», что теоретические позиции пражцев роднили их «с русскими формалистами в литературоведении» [10, с. 14], а тезис *Нужно изучать поэтический язык как таковой* открывал, по его мнению, «широкие возможности для артистизма и формализма» (Там же). Такая эпоха со всеми ее противоречиями и духовными провалами! Писать слишком откровенно о тех событиях и восхвалять «пражцев» на фоне наших побед было невозможно. Оттого, наверное, и присутствовал во многих абзацах критический тон. Хорошо, что обошлось без ссылок на Маркса-Энгельса-Ленина.

Это почти все, что сохранилось в моей библиотеке от настоящего Филолога и Книжника (ср. с Милостивым Государем). Он ушел, а его история продолжает жить в памяти учеников и в старых переплетах библий славистики.

Даже фрагментарный обзор и перечисление изданий из собрания Н.А. Кондрашова говорят о многом. Он являлся, безусловно, незаурядной личностью, удивлявшей всех глубокими, выстраданными знаниями в разных областях филологии. Начиная с МИФЛИ, она являлась для него искусством – высокой культурной традицией, где соединялись далекие голоса его учителей, таких же книголюбов, с огромным желанием найти и познать тайны *филологии духа*. Когда-то ее защитниками были П. Шафарик, А.Х. Востоков, И.И. Срезневский, А.А. Шахматов, а потом – А.М. Селищев, Д.Н. Ушаков, В.В. Виноградов. На их место заступило поколение Н.А. Кондрашова. Оно ушло... Но остались книги и воспоминания – это то, что должны сберечь мы.

Многое тогда, после смерти Николая Андреевича, мы безвозвратно утеряли. Я сохранил лишь крупницы из его драгоценной библиотеки, в основном старые издания. Журналы XX в., разные статьи почти за полвека истории лингвистики, работы на славянских и германских языках его именитых коллег, личные пуб-

ликации, которых насчитывалось примерно 500, пропали после очередного ремонта на факультете – о них просто никто не позаботился...

* * *

Когда не стало «деда Кондраша», младшие коллеги и ученики как-то быстро его... предали забвению, переключившись на более актуальные для самих себя мероприятия – юбилеи и чествования под видом научных конференций. Не произошло чуда и сейчас, в 2019 году, когда Н.А. Кондрашову исполнилось бы 100 лет: одни вежливо прошли стороной, припоминая «злоречивость» легендарного слависта, другие просто забыли о нем. И все же стараниями его духовных наследников – бывших аспирантов, студентов, коллег по факультету, преподавателей других вузов – было сделано почти невозможное: впервые в истории МГОУ вышел в свет специальный выпуск «Вестника Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» (№ 5, 2019), посвященный памяти профессора Н.А. Кондрашова. В нем переизданы некоторые статьи ученого, опубликованы работы крупнейших отечественных и зарубежных славистов, историков языкознания и воспоминания тех, для кого личность Николая Андреевича не осталась заброшенной в потемках слепой совести. В этом выпуске есть и заметка вологодского ученика Н.А. Кондрашова профессора Г.В. Судакова «Это был настоящий учитель» [27]. Более трехсот страниц *филологии духа* – целая летопись науки глазами ее преданных служителей (см. электронную версию на сайте Московского государственного областного университета: [33]).

А 27 декабря 2019 года состоялась моя публичная лекция о профессоре Н.А. Кондрашове, где были представлены вновь найденные архивные документы и обнародованы редкие факты из его биографии. На это событие пришли гости: ученики Николая Андреевича, студенты, аспиранты, вузовские педагоги, выступившие с красивыми, умными и в духе «деда Кондраша» ироничными сообщениями. Они поделились своими рассказами о нем и просто по-доброму упомянули нашего коллегу. Среди приглашенных на вечер были известные ученые академик РАН В.М. Алпатов (Институт языкознания РАН), профессора В.Н. Базылев (Московский государственный лингвистический университет), О.И. Валентинова (Российский университет дружбы народов), Е.Н. Колокольцев (Московский государственный областной университет), М.И. Чернышева (Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН), доцент Г.Ю. Колычева (Государственный гуманитарно-технологический университет) и выпускница нашего факультета доцент Л.В. Спицына, профессора Н.А. Герасименко и Т.Е. Шаповалова (Московский государственный областной университет), генеральный директор ООО «Наш язык» А.Е. Куманяева и др. (подробную информацию см.: [34]).

* * *

И вот недавно мне в руки попал дневник одного педагога 1990-х, в котором я прочитал такие строки: «Сегодня мы все узнали о смерти Н.А. Кондрашова. Он был “эверестовым” человеком, и это невосполни-

мая утрата. Не могу себе простить, что не успела у него отучиться. Муть и серость, ограниченность ума и сердца разгонять теперь будет некому».

* * *

Рефлексируя сейчас по поводу того времени и личности Николая Андреевича, невольно всматриваюсь и в свои скромные начинания по истории науки: архивные дела [19; 21], заповедные дневники, протоколы неизвестных заседаний (см.: [20]), филологи прошлого (см.: [22]) с их неподдельным интересом к родной словесности – все это тогда лишь вспыхивало в моем воображении и разгорелось, когда, к сожалению, «деда Кондраша» уже не было с нами. Он бы подивился, как из его студента вырос биограф славистики и, наверное, по привычке усмехнулся и сказал: «Давай! Пиши, сокол! В добрый путь!»

Как-то мне встретилось такое изречение А.С. Макаренки: «Книги – это переплетенные люди». Оно перекликается с античным афоризмом: «Habent sua fata libelli» – книги имеют свою судьбу. У каждой из них есть характер и физиономия, а бумажная жизнь часто подобна человеческой. Мы невольно ведем с ними неторопливую беседу и тогда пробуждаемся от дремучих будней, укрепляем ум и просветляем душу. Книги живут вместе с нами. Они никогда не умрут. Они – наши сердечные спутники и друзья. В них дышит память о писателях и философах, художниках и композиторах, изобретателях и отчаянных романтиках – филологах – владыках вселенной мудрости. Надо только научиться ее видеть, и за теньями прошлого откроются миры будущего.

Так и с Николаем Андреевичем Кондрашовым – очарованным странником в бескрайнем мире славистики, ее предводителем в стенах МОПИ имени Н.К. Крупской, след от которого до сих пор виден тем, кто свободно кочует по волнам времени, ищет и находит в нем свое сокровенное знание. Оно – прекрасно!

Источники

Архив МГУ – Архив МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва)¹.

Литература

1. Академик Олег Николаевич Трубаев : очерки, воспоминания материалы / главный редактор Е. П. Челышев. – Москва : Наука, 2009. – 627 с.
2. Бодянский, О. М. [Сцевола Муций К.] Трилогия на Трилогию : исторический очерк из современной жизни русского университета / О. М. Бодянский [К. Муций Сцевола [псевдоним]] // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1873. – Генварь-март. – Книга первая. – С. 284–356.
3. Будде, Е. [Ф.] Очерк истории современного литературного русского языка (XVII–XIX век) / Е. [Ф.] Будде // Энциклопедия славянской филологии / Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук ; под редакцией орд. акад. И. В. Ягича. – Выпуск 12.

¹ Иллюстрации из личного дела аспиранта Н.А. Кондрашова приводятся по этому источнику. Автор сердечно благодарит научного сотрудника Архива МГУ Н.П. Каргину за предоставленные материалы.

– Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1908. – С. 1–132.

4. Документы к истории славяноведения в России (1850–1912). – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1948. – 408 с.

5. Кондрашов, Н. А. В. И. Ленин и вопросы языкознания / Н. А. Кондрашов, В. М. Филиппова // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С. 3–6.

6. Кондрашов, Н. А. Славянские языки / Н. А. Кондрашов. – Москва : Учпедгиз, 1956. – 199 с.

7. Кондрашов, Н. А. Осип Максимович Бодянский / Н. А. Кондрашов. – Москва : Московский университет, 1956. – 87 с.

8. Кондрашов, Н. А. Людовит Штур и формирование словацкого литературного языка (к столетию со дня смерти) / Н. А. Кондрашов // Краткие сообщения Института славяноведения / АН СССР. – Москва : АН СССР, 1958. – № 25. – С. 16–22.

9. Кондрашов, Н. А. Роман Федорович Брандт / Н. А. Кондрашов. – Москва : Московский университет, 1963. – 68 с.

10. Кондрашов, Н. А. Предисловие / Н. А. Кондрашов // Пражский лингвистический кружок : сборник статей / составление, редакция и предисловие Н. А. Кондрашова. – Москва : Прогресс, 1967. – С. 5–16.

11. Кондрашов, Н. А. Возникновение и начальный этап развития словацкого литературного языка : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Кондрашов Николай Андреевич. – Москва : МОПИ имени Н. К. Крупской, 1968. – 46 с.

12. Кондрашов, Н. А. Общее языкознание : (курс лекций). Часть I. История языкознания / Н. А. Кондрашов. – Москва : МОПИ имени Н. К. Крупской, 1972. – 173 с.

13. Кондрашов, Н. А. Общее языкознание : (курс лекций). Часть II. Проблемы языкознания и методы изучения языка / Н. А. Кондрашов. – Москва : МОПИ имени Н. К. Крупской, 1974. – 171 с.

14. Кондрашов, Н. А. Лингвистическое и методическое наследие И. И. Срезневского: учебное пособие / Н. А. Кондрашов. – Москва : МОПИ имени Н. К. Крупской, 1979. – 72 с.

15. Кондрашов, Н. А. Лингвистические взгляды В. Н. Татищева и язык его произведений : спецкурс / Н. А. Кондрашов. – Москва : МОПИ имени Н. К. Крупской, 1985. – 69 с.

16. Кондрашов, Н. А. Историческая грамматика русского языка. Историческая лексикология. Часть 1. Древнерусский период / Н. А. Кондрашов. – Москва : МОПИ имени Н. К. Крупской, 1988. – 67 с.

17. Кошутин, Р. Грамматика руског језика. Друго издње / Р. Кошутин. – Петроград : Штампарија Руске Академије наука, 1919. – 512 с.

18. Лингвистическое отечествоведение. [Коллективная монография в 2 томах]. Том 1 / под редакцией В. И. Макарова. – Елец : ЕГУ имени И. А. Бунина, 2001. – 276 с.

19. Никитин, О. В. Русская деловая письменность как этнолингвистический источник : (на материале памятников севернорусских монастырей XVIII века) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Никитин Олег Викторович. – Москва : МПУ, 2000. – 30 с.

20. Никитин, О. В. Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново и А. М. Селищева : (неизвестные страницы истории Московской лингвистической школы) / О. В. Никитин // Вопросы языкознания. – 2002. – № 1. – С. 91–102.

21. Никитин, О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.). : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание

ученой степени доктора филологических наук / Никитин Олег Викторович. – Москва : МГОУ, 2004. – 48 с.

22. Никитин, О. В. Василий Евдокимович Адогуров : (к 300-летию со дня рождения) / О. В. Никитин // Русский язык в школе. – 2009. – № 5. – С. 104–110.

23. Никитин, О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог : (к 100-летию со дня рождения) / О. В. Никитин // Русский язык в школе. – 2019. – № 5. – С. 81–89.

24. Петровский, Н. [М.] Первые годы деятельности В. Копитаря / Н. [М.] Петровский. – Казань : Типо-лит. Императорского университета, 1906. – 757 с.

25. Письма И. В. Ягича к русским ученым, 1865–1886. – Москва ; Ленинград : Академия наук СССР, 1963. – 528 с.

26. Письма к М. Н. Погодину из славянских земель (1835–1861) : выпуск III-й (и последний) / примечания Николая Попова. – Москва : [б. и.], 1880. – С. 449–744.

27. Судаков, Г. В. Это был настоящий учитель / Г. В. Судаков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2019. – № 5. – С. 282–288.

28. [Халикова, Н. В. Наш «дед Зубатый» – Николай Андреевич Кондрашов / Н. В. Халикова] Н. А. Кондрашов: педагог, учитель, личность (штрихи к портрету слависта) / Н. В. Халикова // Вестник Московского государственного

областного университета. Серия: Русская филология. – 2019. – № 5. – С. 214–218.

29. Хроленко, А.Т. «Обращаюсь к Вам с одним деловым предложением...» (из переписки с профессором Н. А. Кондрашовым) / А. Т. Хроленко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2019. – № 5. – С. 289–293.

30. Чалов, В. П. Настоящий профессор / В. П. Чалов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2019. – № 5. – С. 294–299.

31. Шахматов, А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка / А. А. Шахматов // Энциклопедия славянской филологии / Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук ; под редакцией орд. акад. И. В. Ягича. – Петроград : Типография Императорской Академии наук, 1915. – Вып. 11.1. – С. 1–368.

32. Шипицына, Г. М. Эпизоды... / Г. М. Шипицына // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2019. – № 5. – С. 300–305.

33. Вестник Московского государственного университета. Серия: Русская филология. – 2019. – № 5. – текст : электронный. – URL: <https://www.vestnik-mgou.ru/Issue/IssueFile/554> (дата обращения: 02.03. 2020).

34. Московский государственный университет : сайт. – URL: <https://mgou.ru/96737> (дата обращения: 02.03.2020).

O.V. Nikitin

**«ENCHANTED WANDERER»
(NOTES IN THE MEMORY MARGINS:
ABOUT THE LINGUISTIC PERSONALITY OF THE SLAVIST
NIKOLAY ANDREEVICH KONDRASHOV)**

The essay reconstructs a unique portrait of the language personality of the legendary Slavist, Doctor of Philology, Professor N.A. Kondrashov (1919–1995). Against the background of the documentary student memories the author describes a distinctive figure of so-called «Grandpa Kondrash», whose life absorbed contradictory facts of the Soviet era. The lesser-known circumstances of his wandering biography are also presented. The perception of N.A. Kondrashov's books and the events of 1930–1990-ies help the reader to penetrate into the unique temperament of the Slavist's personality, to hear his troubled hard voice, to understand spiritual experiences, to feel the silhouette of a teacher and a scholar. The narrative involves the fragments of letters, notes in the margins, fragmentary memories of N.A. Kondrashov's students and graduates. The details of his amazing lectures, conversations and meetings reproduce the spiritual atmosphere of the second half of the 20th century and create a historical and artistic mosaic of scientific research and achievements of the golden generation of Slavists in the postwar period. N.A. Kondrashov's home library enriches the essay by interesting facts and contrasts, which revealed a rare quality of a philosopher, scholar, collector of antiquities, connoisseur and promoter of the best traditions of «linguistic motherland study» in the personality of the outstanding philologist.

N.A. Kondrashov, history of science, Slavistics, linguistic personality, speech situation, psycholinguistic portrait, philological memoirs.